

В. В. Мартынов

К реконструкции славянского и дославянского вокализма

Studia Rossica Posnaniensia 10, 129-133

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

В. В. МАРТЫНОВ
Минск

К РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНСКОГО И ДОСЛАВЯНСКОГО ВОКАЛИЗМА

В соответствии с нашей концепцией¹, выдвигается гипотеза о том, что различие переднего и заднего ряда в системе праславянского вокализма не является фонологическим. Гласные заднего ряда заменяются соответствующими гласными переднего ряда в позиции после *ǐ*. Действительно, *ǐǎ > ǐě*, *ǐǔ > ǐŭ*, *ǐǝ > ǐi*. Однако, это известное правило славянской комбинаторики, как будто, знает исключение: *ǐē > ǐā*, хотя наблюдаются и следы обратного (*ǐā > ǐē*). Мы объясняли этот феномен следующим образом. Данные компаративистики говорят о том, что *ǐā*, *čā*, *džā*, *šā* следует выводить из более ранних *ǐē*, *kē*, *gē*, *xē*. В пользу этого свидетельствует как будто характер первой славянской палатализации. Однако, если, учитывая несомненно максимально открытый характер *ě*, реконструировать праславянское *ē* как *ǐā*, то соответственно могут быть реконструированы и *kǐā*, *gǐā*, *xǐā*, которые в дальнейшем должны были перейти в *čā*, *džā*, *šā*. Такая реконструкция может быть во всяком случае предложена в качестве альтернативной. Она частично подтверждается симметрией переходов йотированных и нейотированных гласных в праславянском языке. Если признать, что в праславянском языке существовала количественная корреляция *ǎ-ā*, которая перешла в тембровую *a-o* после перехода *ǎ > ǔ* (поздний праславянский), то следует ожидать аналогичных сдвигов и для йотированных гласных, т. е. перехода *ǐǎ > ǐě* при сохранении старого *ǐā*. Схематически это было представлено² как

$$\begin{array}{c|c} \text{ǐě} < \text{ǐǎ} & \text{ǎ} > \text{ǔ} \\ \text{ǐā} & \text{ā} \end{array}$$

¹ См. В. В. Мартынов, *Славянская и индоевропейская аккомодация*, Минск 1968, стр. 53 - 58. О предшествующих концепциях см. Т. Milewski, *The Evolution of the Common Slavic Vocalic System*. В сб.: To Honor Roman Jakobson, vol. II. The Hague — Paris 1967, стр. 1362.

² Там же, стр. 55.

В этой схеме отразилась следующая закономерность: \dot{i} действует преобразующе на тембр краткого a и оставляет без изменения основной тембр долгого. Отсюда следует первичность $\dot{i}\bar{a}$ и возможность преобразования:

$$\begin{array}{c} \dot{i} \quad \dot{\bar{y}} \\ \dot{e} \quad \dot{\bar{a}} \end{array} > \begin{array}{c} \dot{\bar{y}} \\ \dot{\bar{a}} \end{array}$$

Эта система, которая строится на различиях по количеству и подъему, была получена нами в согласии с некоторыми другими реконструкциями, на основе правил внутренней реконструкции. И, хотя в других случаях мы старались подтвердить надежность внутренней реконструкции данными внешнего сравнения, в данном случае этого сделано не было.

Между тем, еще до нашей работы была опубликована не учтенная нами статья Шевелева³, в которой можно обнаружить факты, подтверждающие реконструкцию состояния с различиями по количеству и подъему. Шевелев обращает внимание на то, что в большинстве случаев начальные $\dot{\bar{c}}\bar{a}$, $\dot{d}\dot{\bar{z}}\bar{a}$, $\dot{\bar{s}}\bar{a}$, в славянских языках не имеют надежных параллелей в виде соответственно $k\bar{e}$, $g\bar{e}$, $x\bar{e}$ в других родственных языках. Он анализирует несколько примеров, которые свидетельствуют в пользу этого положения. Рассмотрим подробнее один из примеров Шевелева: праслав. *žaba* ~ др.-прус. *gabavo* ~ др.-англ. *quarra* ~ лат. *būfō*. Все три сравниваемых лексемы имеют одно значение ('жаба, bufo'). Лат. *būfō* (n) с очевидностью восходит к *gūōbō* (n), что соответствует праслав. *gīābā* (>*žaba*), за исключением непонятного расхождения в тембре начального согласного. Старая n-основа после утраты конечного n должна была перейти в a-основу с заменой мужского рода на женский. Никаких признаков \bar{e} в индоевропейских соответствиях к праслав. *žaba* не обнаруживается (ср. также $k\bar{o}\beta a\zeta$ 'жаба' (?) у Гесихия).

Не все примеры, приводимые Шевелевым, достаточно надежны, не все они могут рассматриваться как праславянские (часть из них — возможно, поздние инновации или заимствования). Среди наиболее надежных (с нашей дополнительной аргументацией и параллелями) *čadъ*, *čadъ* (ст.-слав. *чадъ*, *чадъ*) ~ др.-прус. *accodis* (<*at-kōdis) 'выводное отверстие для дыма' (ст.-слав. *чадъ* = др.-прус. *-kōdis*). Другие попытки истолкования древнепрусского слова выглядят менее убедительно (*-kōdis* < польск. *chód* или *accodis* < *akutis* < *akis* 'глаз'⁴). При рассмотрении соответствия праслав. *časъ* — алб. *kohë* следует учесть возможность реконструкции как \bar{e} , так и \bar{o} для албанской параллели⁵.

К примерам Шевелева можно было бы добавить следующие. Праслав. *čaša* (<*kīāsīā) ~ др.-прус. *kiosi* 'чаша', параллель, которая позволяет ре-

³ G. Y. Shevelov, *Dwie uwagi o słowiańskim ē*. В кн.: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. 5, Warszawa 1965, стр. 93-95.

⁴ Ср. W. R. Schmalstieg, *Four Old Prussian Etymologies*, *Baltistica* 1969, V (2), стр. 268-269.

⁵ Э. Хэмп, *Miscellanea*. В кн.: *Этимология* — 1970, Москва 1972, стр. 268-269.

конструировать балто-славянское образование с $\dot{\imath}$ после k : $k\dot{\imath}\ddot{o}s\dot{\imath}\ddot{a}$. Праслав. $\dot{s}aliti$ 'шутить, обманывать, околдовывать' (последнее значение выводится на основании др.-рус. *шалень* и др. 'одержимый') ~ прагерм. $\dot{h}\ddot{o}lian$ 'обманывать' (гот. *afhōlōn*, др.-англ. *hōlian* и др.), др.-греч. (ион.-атт.) $\kappa\eta\lambda\acute{\epsilon}\omega$ 'обманываю, околдовываю, укрощаю' (<* $\kappa\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\omega$). Индоевропейские соответствия указывают на возможность реконструкции $\dot{s}aliti$ <* $\chi\dot{\imath}aliti$. Праслав. $\dot{z}alb$ 'скорбь, гробница' (ст.-слав. *жаль* 'гробница') ~ др.-прус. *golis* 'смерть', лит. *gelà* 'мучение', др.-в.-нем. *quālu* 'тж'. Легко увидеть, что старославянские и древнепрусские примеры идентичны семантически и морфологически, что приводит к необходимости реконструировать $\dot{z}alb$ <* $g\dot{\imath}\ddot{a}li$ (= др.-прус. * $g\ddot{o}lis$).

Другие примеры Шевелева и те, которые можно было бы еще к ним прибавить, по крайней мере не противоречат защищаемому тезису. Можно утверждать, что пока не найдено ни одного надежного примера, в котором бы начальное славянское $\dot{c}\ddot{a}$, $\dot{d}\dot{z}\ddot{a}$, $\dot{s}\ddot{a}$ соответствовало началу с \ddot{e} в других индоевропейских языках. Из этого Шевелев делает вывод о том, что все эти примеры представляют собой экспрессивные образования со вторичной палатализацией и восходят к формам с начальным $k\dot{\imath}\ddot{a}$, $g\dot{\imath}\ddot{a}$, $\chi\dot{\imath}\ddot{a}$. Соглашаясь полностью с этой реконструкцией, мы не можем принять его интерпретации. Если нет ни одного примера убедительного перехода $\ddot{e} > \ddot{a}$ после мягких шипящих и аффрикат, то можно ли данное явление считать вторичным и экспрессивным. Заимствование слав. $\dot{s}ata$ < герм. $\dot{h}\ddot{e}ta\dot{z}$ также не является убедительным примером уже в силу того, что заимствования и проникновения подчиняются иным закономерностям, чем регулярные внутренние переходы и, прежде всего, правилам субституции, действующим при столкновении двух фонологических систем. Мы уже не говорим о том, что сама реконструкция герм. $\dot{h}\ddot{e}ta\dot{z}$ на основе двух средневерхненемецких форм очень сомнительна.

Шевелев не анализирует примеров с $\dot{\imath}\ddot{a}$ в чистом виде, хотя таких примеров больше и среди них больше надежных соответствий. Рассмотрим примеры на $\dot{\imath}\ddot{a}$ в начале и в конце слова.

Праслав. $(j)abl\dot{z}ko$ 'яблоко' (<* $\dot{a}blu-$): ст.-слав. *аблько*, *яблько* и др.; вост.-лит. *obuolys*, зап.-лит. *obuolas*, латыш. *ābuolis* (<* $\dot{a}b\ddot{o}l-$); др.-исл. *epli* (<* $\dot{a}pl-$); др.-ирл. *ubull* (<* $\dot{a}blu-$). Славянские формы с $\dot{\imath}$ -основой получили закономерное-ко-продолжение⁶.

Праслав. $(j)agne$ 'ягненок' (<* $\dot{a}gyn-$); ст.-слав. *агна* и др.; др.-греч. $\acute{\alpha}\mu\nu\acute{o}\varsigma$ (<* $\acute{\alpha}\beta\nu\acute{o}\varsigma$) лат. *agnus*. Славянские формы осложнены характерным суффиксом $-\dot{e}\dot{t}$ -, обозначающим детенышей животных. Причины количественных различий в вокализме славянских и греко-латинских форм неясны.

Праслав. $(j)alov\dot{z}$ 'бесплодный (о скоте и земле)' (<* $\dot{a}lu-$) др.-рус. *яловъ* и др.; лит. (жем.) *olaus*, *olava* 'неженатый, незамужняя', латыш. *ālava* 'бес-

⁶ Из-за технических трудностей Я обозначаем а йотованное, А — юс малый, Σ — е йотованное.

плодная корова'. Латыш. *jēls* 'сырой неспелый' следует исключить по крайней мере из списка непосредственных соответствий.

Праслав. *jarъmь, jarъmo* 'деревянная часть упряжи для запрягания волов': ст.-слав. *Яръмь* и др.; др.-греч. ἄρμός 'связь, скрепа', ἄρμόζω 'пригоняю, прикрепляю, прилаживаю'; сюда же индоевропейское название предплечья и плеча (др.-иран. *arəta*, лат. *armus*, гот. *arms*, ст.-слав. *рама*). Ср. также польск. *kojarzyć* 'соединять' и др.-греч. ἀραρίσκω 'соединяю'. Славянские и греческие формы различаются количеством корневых гласных.

Праслав. (*j*)*aščerъ* 'ящер, ящерица': ст.-слав. *ащеръ* и др., др.-греч. ἄσκαρίς 'аскарида' (с количественным различием в вокализме). Можно предположить, однако, заимствование из древнегреческого.

Праслав. (*j*)*avě* 'наяву': ст.-слав. *авѣ, Явѣ* и др.; лит. *ovyje* 'на яву', др.-инд. *āvīṣ* 'открыто'. Ср. *javiti se* и лит. *ovytiis* 'явиться во сне', латыш. *āvītīels* 'говорить бессмыслицу'.

Праслав. (*j*)*aga* 'ягода'. Без суффикса *-oda* в южнославянских языках: ст.-слав. *виняга* (= винная ягода) и др.; лит. *uoga*, латыш. *ubga*. Сравнение славянских и балтийских форм дает возможность реконструировать балто-слав. **ōga*.

Праслав. (*j*)*aje* 'яйцо'. Более распространена вторичная форма *jajъse* суффикс которой указывает на сингулятивность (исходная форма воспринималась как имя собирательное); др.-в.-нем. *ei* и др. (<прагерм. **aja-* с кратким вокализмом); др.-греч. φόν лат. *ōvum* (<**ovio-*, которая на славянской почве упростилась в **ōjo-*)

Праслав. *jarо, jarо* 'весна': ст.-слав. *яръ* и др.; гот. *jēr* 'год' (<**jēra*); др.-греч. βρα 'весна, год', др.-иран. *yārə* 'год' (<**jōro*). В этом случае праславянское можно возводить к **jōro* и **jēro*. Однако, все индоевропейские языки, кроме германских, в которых зафиксирован этот корень, указывают на начальное *jō-* (ср. лат. *hōrnus* 'нынешнего года' <**ho-jōr-inos*).

Праслав. *jarъ* 'яростный, гневный, буйный, порывистый'; ст.-слав. *яръ* 'строгий, суровый' и др.; др.-греч. ζωρός 'крепкий, пьянящий (о вине), порывистый, деятельный'. Возможно, однако, что это слово не следует отделять от предыдущего.

Праслав. (*j*)*asenъ, (j)asenъ* 'яшень'; лит. *uosis*, латыш. *ubsis*, др.-прус. *woasis* 'яшень' (<**ōsi-*), лат. *ornus* 'вид ясеня' (<**ōs-en-os*).

Праслав. *po-jasъ* 'пояс': ст.-слав. *поясъ*, др.-прус. *ясало* 'пояс' и др., лит. *jūosta* 'пояс', латыш. *jūosta* 'тж', др.-иран. *yāh-* 'тж'. Ср. также лит. *jūostas* 'опоясанный', др.-иран. *yāsta* 'тж', др.-греч. ζωστός 'тж'.

В этот список не вошли параллели с минимальной надежностью. Как видно из приведенных примеров, доказательств в пользу преобразования индоевропейского начального *jē* в славянское начальное *jā* они не содержат. Не содержат таких доказательств и параллели к примерам с конечным славянским *-ja*. Эти примеры могут не иметь надежных соответствий, могут иметь

соответствия разной степени надежности, но без конечного $-i\bar{a}$ (resp. $-i\bar{e}$) и, наконец, могут иметь соответствия с конечным $-i\bar{a}$. Целесообразно привести примеры из последней группы соответствий. Они сводятся к следующим.

Праслав. *meža* (<*medīa) 'межа, лес'. Ср. рус. *межа* 'лес' и словен. *meja* 'тж'; лит. (жем.) *mėdė* 'лес' (<*medīa). Акцентологически здесь балто-славянское соответствие также носит регулярный характер⁷. Ср. также др.-прусс. *median* 'дерево', др.-инд. *mādhyam* 'середина'.

Праслав. *zemja* 'земля'; ст.-слав. *земля* и др.; лит. *žėmė* (<*žemiija)⁸, латыш. *zeme*, др.-прусс. *semte* 'тж'.

Праслав. *volja* 'воля': ст.-слав. *воля* и др.; лит. *valià, valė* 'воля', латыш. *vaļa* 'сила, власть' и др. Здесь представлен характерный для литовского параллелизм форм $-ia/\bar{e}$.

Праслав. *čaša* (*kīasīa*), см. выше.

Чрезвычайно характерны праславянские суффиксы-дублиеты типа $-ja\bar{j}/-\bar{e}\bar{j}$, $-janip\bar{y}/-\bar{e}nip\bar{y}$, $-jad\bar{y}/-\bar{e}d\bar{y}$ ⁹. Для первого из них можно привести такие параллели из славянских и балтийских языков: укр. *носії, возіі* (<ēj̄), серб.-хорв. *ндшај, вѡѡај* (<jāj̄), лит. *nešėj̄as, vedėj̄as* (<ējas). Второй (вернее первый его компонент $-jan-/-\bar{e}n-$) восходит к и.-е. $-iōn$ (др.-греч. $-iōv$ лат. $-iōn$). Следовательно, для славянского $i\bar{a}$ и в суффиксах невозможно показать первоисточник с \bar{e} . Напротив того, соответствие $-jan-/-\bar{e}n-\sim iōn$ убедительно свидетельствует в пользу первичности варианта $-jan-$.

Таким образом, проанализированный материал недвусмысленно свидетельствует о первичности $i\bar{a}$ в праславянском и, следовательно, $i\bar{a} : \bar{a} = i\bar{e} : \bar{a}$, а значит $i\bar{a}$ и $i\bar{e}$ варианты \bar{a} и \bar{a} и для нижнего подъема в праславянской системе вокализма может быть реконструировано \bar{a} . Отсюда

$$\begin{array}{ccc} \bar{i} & \bar{j} & \bar{j} \\ \bar{e} & \bar{a} & \bar{a} \end{array} <$$

Из этой праславянской системы при учете $\bar{j} < \bar{a}$ и, следовательно, совпадении \bar{i} и \bar{j} легко восстановить предшествующее (индоевропейское) состояние

$$\begin{array}{ccc} \bar{i} & & \bar{a} \\ & & \bar{a} \end{array}$$

Только двигаясь от хорошо документированного состояния к состоянию плохо документированному, а от него к недокументированному (доисторическому), можно реконструировать праязыковую систему. Такого рода внутренняя реконструкция должна проверяться внешним сравнением с тем, чтобы обеспечить надежность, достаточную для наших целей.

⁷ В. М. Иллич-Свитыч, *Именная акцентуация в балтийском и славянском*, Москва 1963, стр. 40.

⁸ Там же, стр. 41.

⁹ См. В. В. Мартынов. *Праславянская и балто-славянская деривация имен*, Минск 1973, стр. 24, 37.